

Неизвестное свидетельство о московском пожаре 1812 г.

Записка о пожаре московском была обнаружена в бумагах известного историографа, директора Московского главного архива Министерства иностранных дел А. Ф. Малиновского, который сам пережил тяжелые дни наполеоновского нашествия. 23 августа 1812 г. архив был вывезен из Москвы на 120 подводках казенных крестьян Озерецковской волости. Организовали эвакуацию в Нижний Новгород Н. Н. Бантыш-Каменский и А.Ф. Малиновский¹. В Нижнем Новгороде архивисты встретились с давним другом архива историографом Н. М. Карамзиным. По свидетельству современников, «триумвират историков – Карамзин, Бантыш-Каменский и Малиновский – каждый день беседовали о несчастьях отечества. И когда соревновался кто-нибудь в счастливом окончании дел, Карамзин пророчески указывал на Кремль нижегородский, напоминая Минина и уверял, что каковы были русские в 1612 году, таковы они будут и в 1812...»². Видимо, в Нижнем Новгороде А. Ф. Малиновский и задумал собрать материал о войне 1812 г. Он был хорошо осведомлен о потерях культурного наследия русского народа. В Нижний Новгород пришло сообщение о гибели уникальных библиотек Н. М. Карамзина, А. И. Мусина-Пушкина, Н. Н. Бантыша-Каменского, В. Л. Пушкина, Демидовых.

А. Ф. Малиновский был включен в состав Комиссии в помощь разоренным в войне 1812 г., которую возглавлял И. И. Дмитриев. Соприкосновение с заботами и трудностями «маленького человека» в комиссии и Странноприимном доме, несомненно, оказало влияние на развитие взглядов Малиновского. Идеи патриотизма и народности стали определяющими в русской общественной мысли во время войны 1812 г.; коснулись они и Малиновского, предложившего в ознаменование выдающихся заслуг крестьянства в Отечественной войне объявить свободными их детей, рожденных после 1812 г.

Одна из главных работ Малиновского «Обозрение Москвы» (она была издана только в наше время) пронизана впечатлениями от прошедшей войны 1812 г. В первой главе, посвященной истории Кремля, в разделе «Разрушение и обновление Кремлевских стен» автор пишет об уроне, который нанес Кремлю Наполеон: «Заняв Москву 2 сентября 1812 года, Наполеон ознаменовал тридцатидневное пребывание в ней татарскими лютостями, неистовствами, поруганием святыни и подорванием Кремлевских стен с башнями»³.

Рассказывая далее об исторических памятниках Москвы, Малиновский сопоставляет их древнюю историю с недавно прошедшей войной. Так, в Успенском соборе 23 апреля 1814 г. был отслужен молебен «За покорение российскому оружию столичного во Франции города Парижа»⁴. В Вознесенском девичьем монастыре, отмечает А. Ф. Малиновский, «в алтаре за престолом крест с прорезными кругами, обложенный золоченым серебром, с надписью, напоминающей разорительное нашествие на Москву галлов в 1812 году»⁵.

В главе «О цейхгаузе или арсенале» есть небольшой раздел «Пушки и ружья, в 1812 году завоеванные», где имеются сведения о том, что «875 орудий неприятельских пред Арсеналом служат трофеями, украшающими тот самый Кремль, где Наполеон обесславил себя зажигательством, святотатством, подрыванием»⁶.

В фонде А. Ф. Малиновского (ф. 197), хранящемся в Российском государственном архиве древних актов, имеется специальный раздел «Французы в Москве», где собраны правительственные распоряжения, «афишки» Ростопчина, выписки из журналов и газет, и, конечно, рассказы современников.

К сожалению, личность автора публикуемой ниже записки установить не удалось, но местонахождение его дома, вокруг которого разворачивались основные события, можно установить довольно точно. Он находился близ церкви Покрова в Левшине и св. Власия. Церковь Покрова в Левшине стояла на углу Левшинского и Покровского переулков, а церковь св. Власия – в Большом Власьевском переулке⁷. Покровский переулок переходил в Большой Власьевский переулок (их разделяла церковь Успенья на Могильцах). В отрывке упомянуты владения Нестерова и Новосильцова как близлежащие к «местопребыванию» автора записки. В издании «Алфавитные списки всех частей Москвы» обозначены владения чиновника 7-го класса В. П. Нестерова и бригадира Д. А. Новосильцова, которые находились «во Власьевском переулке» Пречистенской части. В 1816 г. В. П. Нестеров владел «пустой землей»⁸. Возможно, он так и не смог отстроить свой дом после пожара. В связи с этим можно предположить, что дом автора

записки был в Большом Власьевском переулке Пречистенской части, располагавшегося между Мертвым переулком и улицей Сивцев Вражек.

Рукопись (РГАДА, ф.197, «А. Ф.Малиновский», оп. 1, д. 37, лл. 326-360) публикуется в соответствии с «Правилами издания документов».

Дщерь нещастия! Богиня плача и рыдания, прииди и устрой глас мой, подкрепи меня слабого и пораженного печалью, да я при помощи твоей разительнее могу описать нещастия свои, со мною встречающиеся во время пребывания моего у неприятелей в Москве, да в плаче и сетовании изображу внутреннее возмущение души моей, и воздыхания со слезами вырывающиеся из сердца моего. До вступления неприятеля еще в град наш, я уже готовил пить себе чашу горести, разлука с женою и малолетними детьми моими была первым для меня нещастием, хотя я и льстился тою надеждою, что буду иметь скорое свидание с ними, однакож обманулся. Нечаянное и внезапное вступление неприятелей в Москву послужило мне препядствием, оставленный один с престарелою моею родительницею для сохранения дому своего, безпокоился и возмущался духом своим. Дни сии для меня были самыми скучными, жестокими и мучительными; тогда-то я представлял в мыслях своих перемены настоящия сея жизни, размышлял о непостоянстве щастия, разсуждал, как фортуна и озаренных щастием низвергает в бездну злочлечения. Во всякое время видел я приходивших ко мне неприятелей, которые грабили и уносили все из имения, в доме моем находящееся. Ни одного не проходило дня, в которой бы жизнь моя не подвергалась опасностям, ужасы смерти никогда не были разлучны с душею моею, самая безопасности становились для меня крайностию, и навлекали на меня страх и возмущение, от взору неприятелей, мною вдали видимых и могущих со мною встретиться, трепетал я и ужасался. Что уже сказать о том, когда я попадался в руки самих неприятелей, и когда от них был отягощаем великим бременем трудов. Ах! Изобразить не в состоянии слабым пером моим – ни ум, ни язык мой великость сил нещастий изъяснить не может, единое сердце, ты единое сердце, могло чувствовать в то время висящая над главою моею опасности, могло чувствовать, да и теперь еще чувствуешь, и теперь не изгладилось из внутренности твоей тягчайшее бремя злополучия, коим ты было поражено. Рабство, коим меня обременяли торжествующие враги, едва не подвергло меня вечной погибели. Если чем сохранял я свою жизнь, которая всего дороже для малолетних моих детей, то имянно одним повиновением, покорностию и послушанием, оказываемым мною под предлогом всег-да неприятелям; неприятели возносили гордую свою выю надо мною слабым, а я кротостию своею умягчал их надменность, они мне оказывали суровость, дышали злобою и жестокосердием, а я покорностию своею от страха производящею, привлекал к себе инных сожаление и любовь. Видел я обнаженные мечи неприятелей, над главою моею по-трясающиеся, смотрел я на оружия, ко груди моей приставляемая, и лиющимися из очей моих слезами, вздохами из сердца вырывающимися, совлечением с себя последняго моего одеяния, спасал я самого себя; чувствовал в самом себе иногда великое рвение, ярость и гнев от причиняемых мне неприятелями жестоких ударов, но и при таком возмущении удерживал дух мой в пределах умеренности, не давал ему быть обнаруженным к неприятелям в сильных страстях сих, повинуюсь яко пленник воли неприятельской; полагался только я на одного Всевышняго Творца, препровождал в глубоких воздыханиях долгия нощи, сном мирным не посещаемая, препоруча себя власти и промыслу проведения Божия, облеченный в раздранное рубище, дрожал я от холода, бури и ненастья, но десницею Божией был избавлен жестоких болезней, могущих произойти от простуды. Сердце мое хотя погружалось в кровавых слезах и сетовании, но подкрепляемо рукою Божиею, не причастно было уныния и отчаяния сих страстей, могущих погубить совсем человека; вздыхал и проливал слезы, видя развалины огромных зданий, ходил в глубокой задумчивости по пространным местам, покрытым прахом и пепелом, ходил, и ничего более не слышал, кроме стонов и воплей нещастных наших соотечественников, кроме пылающего пламени и тлеющего над развалинами домов пепла. Освобождаясь от ига и рабства неприятелей по причине слез и плача своего, неоднократно приходил я к развалинам дому моего, и взирая на пепел, лил горестныя из очей моих слезы; обиталище и местопребывание мое, как во время ночи, так и во время дня, был иногда самый пепел, теплотою своею меня согревающий от стужи в рубище, а иногда холодная земля, покрытая лугами, иногда были жилищем нашим те дома, в коих не успевали еще пронзенное холодом тело наше согреть, как видели уже загарющимися от огня, не было для меня постоянного и непременимаго места, в коем бы я мог довольно времени быть. Храмы, самые священные храмы, в коих я видел великое множество нещастных наших московских жителей, недолго были нашим жилищем, взаимная связь, дружелюбие, общия вспомошествования, кои я имел с некоторыми

семействами, были расторгаемы то неприятелями, то ветреными нашими людьми. Не упоминаю я уже о болезнях, коими видел я многих удрученных здесь, могу только сказать о лишении сил своих и утомлении, хотя я несколько употреблял пищи, смешивая оную со слезами моими, однако и при самом моем изнеможении сил, при самом гладе меня поражающем, чувствовал я неприятность от вкуса ея. Вот те несчастия! Вот та чаша горести, которую я испил. Все сие пространнее видеть можно из нижеследующаго моего описания.

1-го сентября, по щастию моему, успел я отправить из Москвы жену мою и малолетних детей, назнача им пребывание в деревне Новой, что по Троицкой дороге, где б они дожидались меня. Но, ах! Сего не случилось, судьба приуготовляла мне пить чашу горестей, я поражен был несчастием, совсем мною неожиданным.

2-го числа воспоследовала со мною величайшая перемена. Желания, намерения, кои я имел в мыслях своих, остались тщетными и бесполезными, я видел уже в Москву входящих французов, от коих пришел в безпамятство. Не зная, за что взяться и что убирать, копал яму для сундука с величайшим напряжением сил моих, в замешательстве и расстройстве мыслей укладывал в него самое лучшее из имения, наконец вдруг увидел входящаго в дом мой одного француза, которой бегал как бешеной, и смотрел на ту и другую сторону. Говорил [со мною] мне на своем французском языке, а как я не знал онаго, то делал ему рукою знак, чтобы он вошел в комнаты мои. Описывая горестное свое состояние, должен я упомянуть о несчастных женщинах, не имеющих никакого пристанища, коих было семь человек: мать с дочерью больною, умевшею говорить на французском языке, посредством коея и отвечал я на вопросы оному французу. Упомянутый неприятель, взойдя в комнаты мои, стремительно обегал их, удивлялся вопросам девицы, говорившей ему по-французки, и подумав несколько отвечал ей, что он смотрит, нет ли здесь салдат российских и оружия, потом просил хлеба. Я велел дать онаго и сверх сего еще полштофа сладкой водки, коей у меня только и было. Наливши рюмку, приказывал мне наперед выпить, я увидя его сомневающагося принял рюмку, и пил. Потом, по приказанию его, я подал ему масла коровьяго и еще мяса, и он столько ел жадно, что ничего поставленнаго мною не оставил. Во время сие хвалил он своего ИМПЕРАТОРА и обнадеживал нас, что: «с Вами ничего не будет, дома ваши будут целы, и имения ваши не будут разграблены, если же кто осмелится тронуть, то объявите афицеру, и грабители будут наказаны». Я хотел продолжать с ним разговор чрез сию девицу, но увидев, что она слаба, да и не понимает смыслу французскаго языка, оставил их и пошел в другую половину комнаты, где б дать волю течь слезам моим. С коленапреклонением просил Бога о прощении наших согрешений, потом опять взошел к ним, и увидел, что он вышел вон, довольно укрепивши себя пищею. В сие-то время я начал колебаться в мыслях своих, если мне бежать из Москвы, то мне нанесут безпокойство бывшие со мною; говорил я родительнице своей, чтоб она со мной ушла тайным образом, но она отговаривалась от сего, представляя мне ту причину, что ника-кой еще нет опасности, при крайности же можем уйти и в следующий день. Наступила ночь, в которую я хотя и безпокоился, однако с нами ничего не случилось; часто выходил на двор, где слышал стоны в соседних домах, стоны, означющие разбойнический грабеж.

В третий день поутру пришел ко мне мой родственник, и говорил мне, что французы зошли самым благовидным образом, и что один французкой афицер говорил со мной весьма ласково, и потчевал арбузом, за которой он заплатил столько, сколько потребовал лавошник; поговоривши, я с сим моим родственником растался, и после его ничего не делал и не убирал, а только ходил взад и вперед по комнате, и был в глубокой задумчивости. В половине дня пошел я к Арбацким воротам уведомить онаго родственника, и пришедши в дом его увидел, что у его б человек французов искали хлеба, а у соседа его и другия прихоти исполнять хотели – кто что хотел, тот то и брал, увидя неприятелей в доме его пустился бежать в дом свой. Не прошло часа, как явились и ко мне четыре француза, начали искать всего, копали и брали все то, что им надобно, а имянно рубашки, платки, манишки. Сколько я им ни представлял бедность свою, но они ни на что не взирая брали все оное. За ними еще в след другие пять человек пришли и тоже грабили, из коих один, будучи благосклоннее, зошел со мною в разговор чрез оную девицу, соболезновал участи моей и советовал, чтоб я убрал оставшееся имущество, и научал как спастись от грабительства неприятелей. Потом, выняв он бутылку дреймадеры с ним бывшую, пил сам, также просил и меня неотступно с ним выпить, [и] сколько я ни отговаривался, но принужден был пить, смешав со слезами моими; многих приходивших сей француз отводил от моего дому, говоря, что я здесь от начальников приставлен для сохранения онаго дому и имения, и тем самым сохранял от грабителей. Сие продолжалось до самых сумерек. Выходил оный неприятель к

стучавшимся в сие время четырям французам, и не мог уже их отговорить от грабежа; они выгнали и его, и делались мне защитника-ми, притом уверяли, чтоб я ничего не опасался, а между тем спрашивали сахара, пива, водки и белых хлебов, но как у меня сего не было, но и достать негде, от чего они пришли в бешенство, начали мне угрожать опасностью, и убеждениям моим не могли поверить до тех пор, пока не обыскали весь дом и погреба. Не нашедши ничего несколько успокоились, стали обходиться ласковее, потом вышли двое, куда-то не знаю, и принесли чугуна готовый живности, велели нам поставить на очаг. Покамест это готовилось, а они между тем пили принесенные с собою напитки, и напившись пьяны потребовали перин; я тотчас велел послать им постели, двое из них легли, а двое пошли к соседу моему в дом искать у его напитков. Возвратившись оттуда с одними вязаными перчатками сели с нами, и казалось мне, что они старались за мною примечать. Я часто выходил на двор смотреть на пламя, пылающее в рядах, и на загорающиеся в других местах здания, также и они, растворив окошка, смотрели, и уверяли меня, что это не французы жгут, а русские. В сие время... часу первом ночи загорелся сосед моего дома, смежный с моим. Тогда я, оставя все, дом свой и имение в нем находящееся, хотел бежать, сказав родительнице, чтобы и она за мною следовала. Лишь только за ворота вышел, то они выбегли на улицу, и схвативши меня, велели опять идти в дом мой. Сколько я их ни убеждал, прося у их со слезами увольнения об отпущении себя, но они сего не сделали. Нечаянно наехал на нас объезный их офицер, кой будучи тронут моею прозвонью и слезами, велел меня отпустить. И таким образом освободясь от них, пустился бежать со всеми прочими, взявши под руку родительницу свою; в замешательстве и забвении не знали сами, куда шли. Приблизясь к Пречистинским воротам увидели бегущих прямо двоих на нас французов с обнаженными мечами, кои остановя меня приставляли к груди моей обнаженный меч, и угрожали мне смертию. Родительница, видя сие мое несчастье, поверглась к ногам сих неприятелей, и все вообще со мною бывшие просили их о помиловании меня, они же не внимая их прошениям требовали денег. При таких угрозах и при таких опасностях, желая сохранить я жизнь свою, все их прошения дерзостныя принужден был исполнять, вынимал им деньги, но не более 20-ти копеек, но они, брося, начали более мне угрожать смертью, и требовали безотступно от меня серебра. Последние три рубля отдав им, велел им себя осмотреть всего, как им угодно. По обыскании нашли у меня они ножик перочинной, и взявши оной отпустили меня. По претерпении [сих] ужасов, пустились мы бежать на Каменный мост, стараясь всячески укрываться от неприятелей, по [ко]согорам спускаясь* к лесным рядам находили препятствие от лаяния собак, не дающих нам тихо проходить; между тем видели мы издали, как пламень пожирал огромныя здания, как неприятели повсюду учиняли грабежи. В отчаянии и страхе прибежали на Каменный мост, и поднявшись до половины онаго увидели на той стороне темноту страшную, возвратились и пошли по набережной. Прошед ее несколько, сошли по сходам вниз к Москве реке, где увидели караульную, и были долго в нерешимости, думая, что в одной бутке находятся французы, однакож, там никого не было. Потом смотрели на огонь, кой пожирал строения, проливали слезы, наполняли воздух стенаниями, вздыхали, но все было тщетно, долгое время там мы сидели не видав никого, потом обративши взоры вверх на набережную, увидели одного француза, идущаго за водою. Поровнявшись с нами, начал он спрашивать, зачем мы здесь. Мы, обливая слезами лице наше, отвечали чрез ту же девицу, что мы лишились домов, и от огня ищем спасения у реки. Неприятель сей, видя меня дрожащаго от холода, дал мне водки, и я, выпивши несколько, благодарил его. По отшествии его, пришли еще четыре француза, не такую ласковость нам оказавшие как прежний их товарищ, они были дерзки и жестокосерды, требовали с ног моих сапогов, и я поспешно скинув отдал им, и получил от них хучшие и еще жесточайший удар, лишившись узелка, в коем не знаю что было положено родительницею. После сей встречи мы решились идти дальше по набережной к мосту Москворецкому, думая, где их много, там их и начальники есть, кои не допустят больше нас грабить, в чем и не ошиблись. Пришедши к мосту увидели наших русских, сидящих на бревнах, и говорили им, почему они здесь сидят; на сей вопрос они нам ответствовали, что нам неприятели не дают пропуску чрез мост на ту сторону, упомянув при том и то, что при мосту французов великое множество; решились и мы с ними сесть. Французы, видя нас, подходили и запрашивали нас о наших состояниях и о роде; увидя несчастное наше состояние пришли в жалость и отвели нас на свою квартиру, в коей была цырульня, и предлагали нам, чтоб мы шли в верхний ятаж онаго дома, но я опасаясь не пошел вверх, но начал просить, чтоб оставили нас здесь внизу – мы и сим довольны будем; засветивши свечу, с нами разговаривали, и ободряли нас,

* «Спускаясь» – дважды в тексте.

чтоб мы ничего не опасались. Не более посидели мы, как часа два. Начинало разсветать. При наступлении дня сошли съверху два француза высокаго росту, собой весьма красивые, кои нам казались чувствительнее всех и умнее, и самой разговор их показывал, что они сожалели о нас, притом дали нам несколько мяса, хлеба и сахару.

Вот уже наступил и день 4-го числа. Неприятели начали для себя готовить кушанье, изготова поели, и нам делили по несколько. Потом уходили, говоря нам, чтоб мы дому сего не оставляли. Находясь мы в сем доме видели, что в сие^{*} приходили разные французы, пекли, варили для себя, и опять отправлялись, а куда, нам совсем было не известно; улицую же была езда непрерывная в два ряда по одной стороне мостовой в гору, а по другой вниз, то есть на мост. Сие продолжалось от утра до самой ночи, а пожар был так силен, что куда ни помотриш, везде объято было пламенем, огонь пожирал здания и производил сильный ветер. Виющиеся над зданиями клубы огненные представляли взору нашему ужасное и страшное^{*} зрелище; наши же несчастные рузские ходили взад и вперед, не находя себе места к выходу, лишённые почти всех сил падали от сего ужасного зрелища. Я, обращая взор свой на все сие, не в силах описывать [и] находясь в замешательстве говорил только в сердце своем: «Господи, Боже наш! Ты, Владыка, един есть нам защитник, под Твоей всесильною десницею и пленники окруженные отовсюду ужасами смерти могут быть спасены и избавлены от смерти». Потом видели, и у них смятение умножалось, говорили с величайшим жаром, спешили к выходу, как будто б из Москвы, вздыхая сильно, и взяв свои ружья, пошли в гору самым скорейшим образом, оставя нас одних в сем доме. Чрез две минуты пришел один поляк прямо в этот дом, где [были] мы. Он почел меня хозяином сего дома да и цырюльником, на что я ему отвечал, что я ни тот, ни другой, и что мы оставлены здесь французами укрыться от огня, от бури и холода, и что я лишился дому и имения; он слушал слова мои со злобным видом, и чувствуя эту отраду, что он мог мстить за прошедшие свои разорения от россиан учиненныя, стращал меня, и ударя по уху требовал серебра, вынимал саблю, и показывал глупую свою храбрость над обезоруженным. Наконец, обличаемый товарищем своим в дерзких сих поступках, совсем переменялся, и зделался даже для меня удивительным. Повергшись на колени пред мной, приставлял к своим губам саблю, хотел целоваться, но я, схватя свою шляпу, ушел с поспешностию со всеми товарищами. Хотя же он пустился за мною бежать, но афицер их его остановил, между тем как я удалился на набережную. Вдруг сей афицер догнал меня и говорил, что он сего унтер-афицера накажет за его поступки. Унижаясь пред ним, и от него стараясь удалиться потому, что и у его лице было показываемо исполненным сладострастия, делал из себя как бы вид сострадательности, а между тем дарил оной девице штуку канифасу, и большой кусок сахару, бутылку вина, потом предлагал идти нам на свою квартиру. Я просил его, чтобы он нас оставил. Тронут будучи и убежден моими словами не показал никакого насилия, и мы тотчас решились идти опять к набережной, к Москве же реке, где наших сидящих было уже множество. Лишь только начали мы сходить на сход, то вдруг увидели посланных от онаго афицера двух салдат, кои насильно стали тащить девицу лет двенадцати: мать ея громко закричала, и они оставили ее; потом к оной девице, со мною бывшей, приступали; я опять их услаживал словами, и тем обратил все их зверства на себя. Приступивши ко мне велели снять с себя капот, жилет, манишку и платок; покорствуясь власти неприятельской, яко пленник снял я с себя все сие, и отдал им, причем взяли у меня и бумажник, и портрет аминеатурный обделанный в золоте, оставя меня в одном кавтане, и ударив двумя ударами саблей плашми, со мной расталися. После сего случившагося со мною несчастия, сошел я вниз, и седши подле матушки обернулся ея салопа полами, и тем несколько сохранился от стужи. Спустя несколько времени ходили уже к нам неприятели для грабежа артелью, видя нас собравшихся великое множество, обирали все, и платки и шубы. Дошел и опять черед до меня, обыскивали и ничего не нашли, только нашли у родительницы моей обручальное мое кольцо золотое, а у девицы оной денег 25 рублей, и черный платок на голове, все сие взяли и пошли. Ночь сия для нас была самая жестокая, поминутно приходили, обирали нас, и всю разные неприятели. Приходили еще несколько человек, и звали меня с женщинами моими для того, чтоб им растворить хлебы. Хотя несчастные женщины отговаривались от сих трудов, однакож послушали меня. Пришедши к ним увидели мы, что вся их комната заслана была перинами, [и] хотя сие мне казалось подозрением начет девиц, однакож решился остаться и дожидаться, что будет от них. Дали нам есть /я не знаю, ели ли они?/*, а я ничего не мог есть, и так предла-гали, чтоб они принялись за квашни, но

* Так в тексте записки.

* «И страшное» – дважды в тексте.

* Скобки в рукописи отсутствуют.

женщины мои всячески стара-лись отговариваться пожаром, потому, что и сей дом начал загораться. Видя они женщин упорство, отпустили, и мы опять на то же место пришли, и сидели по-прежнему. Часа чрез два пришли грабить, но мы были так уже бедны, что нечего уже более у нас брать; при сем несчастном состоянии снимали они с меня и с прочих даже и рубашки: по [о]тьходе их я принужден был надеть женскую рубашку работницы моей. Потом видел на той стороне Москвы реки мальчика в одной рубашичке не более 6-ти лет; ходя он около огня один громко кричал: прогневался Господь на нас, повторяя безпрестанно напевом плачев-ным. Я, показывая своим сего мальчика, обливал лице свое горестными слезами, стонал, мучился, держа в мыслях своих слова сии. Господи! Ты встречаем был младенцами, поющих «Осанна в Вышних», благос-ловен грядый во имя Господне, сей же, напротив, отрок, вместо сей радости оглашает воздух горестными слезами, и укоряет нас во грехах наших. При сем случае пришли к нам еще французы, и велели за собою следовать; пришедших в Зарядье, загнали нас как овец на двор, и заперли за нами ворота, здесь мы, видя премного предлинных скамней, думали, что с нами хотели делать. Я мыслил, не хотят ли нас заставить крошить хлеб для сухарей, а другие, что нас для того в сем месте заперли, чтоб мы вместе с сим домом згорели. Но мы все ошиблись. Видели, выносил один француз мешок, ставил у ворот, потом пошел за другим, и так вынес их до 30 или больше; неприятели приказывали нам взять сии мешки, и нести за собой. Мы, взявшись за сию ноши любопытствовали, и узнали, что это были сухари, [и] несли за ними в другой дом, кой был в довольном разстоянии от сего дому. Пришед-шим нам сюда, неприятели дали нам саломаты, я только отведал, и если б есть хотел, то и тогда бы не стал есть. Потом поставили пива самага дурнаго, и спустя немного времени опять велели нам нести сии ноши из этого дома; мне уже не досталось несть мешка, а дали нам двоим несть что-то в ведре жидкое. В оное время видели мы своих, бродящих и ищущих места, где бы укрыться; ходили они точно сон-ные, непонимающие один другаго: наполен будучи сим, вдруг увидел несходствующаго лицом на прочих человека, которой походил на евреянина. Волосы у него были темно русые, несколько завиты, росту средняго, нос с горбиною, глазами своими смотрел на меня удивитель-но, дал он нам дорогу, деляя знак будто и он, как и прочие, опасаются, я же, заметя его, шел тихо, и дал ему протти, потом, тихо сказав своему товарищу, поставил ведро под тем предлогом, якобы мне не привольно нести, а сам обратил лице свое назад, и смотрел на него, равно и он на меня. Когда же отвратил лице, тогда он перестал смотреть, и пошел прямо. В сие-то время сказал я громко: «О, Боже! Доколе будут с нами встречаться несчастия! Доколе будеш ты наказывать нас рукою веро-ломнаго неприятеля?» Принесши на двор увидели, что мои женщины сидели здесь у стены и слушали худо болтающаго по-русски француз-скаго какого-то чиновника, кой закрывал свои знаки коротенькой шубейкой, чего я и слушать не хотел. Будучи зжат холодом, сел с родительницею дальше от всех, и закрыл себя полами ея салопы и тем несколько согрелся. Спустя немного, опять приказывали нам нести сухари, мы брали и выносили оныя мешки уже на набережную, где поставя, спрашивал я их о своих женщинах., и они мне говорили, якобы они пошли вперед, из чего ясно узнал их ложь, что они меня хотели от них отклонить. В сем случае предался я воли провидения Божия и просил их, чтоб они меня отпустили посмотреть на мой дом, и они мне дали на волю выбирать любое из двух: или остаться с ними, или идти в дом. Отнес им с набережной вниз к Москве реке свой мешек, в награду получа от них три кренделя. Идя набережной, обращал взор свой на все стороны, не познавал мест и дороги, куда мне идти, наконец узнал, что я у мосту Москворецкаго, кой уже весь згорел. Далее продолжая путь свой, встретился со мною злодей и заставил меня нести за собою свечи сальные. Пришедши в часовню, неприятель сей говорил мне по-русски, мешая французския слова, показывал он пальцем на образа, чтоб с них содрать ризы, от чего и будут деньги; я ему ничего в сем не прекословил, но только от него отвернулся; потом он вышел оттуда, и пошел, куда ему надобно. Следуя за ним с поспешностью, уронил я две свечи, и кричал ему, чтоб он остановился; поднимающаго свечи, ударил он меня дважды палкою, потом, ощупывая меня, нашел крест, сорвал, и бросил. От сего я пришел во рвение и великий гнев, и едва из себя не вышел, хотел было наступить на него, но вдруг мне пришли на мысль малолетные дети мои, привел я на память опасность жизни, как и сиротство их, имею-щее произойти от непокорности; неприятель из сего моего поступка увидел, что я ему не надежный раб, остановился и спрашивал: «Ты наш?» Я сказал ему, что руской, и он, ощупав меня, сказал: «О, ты голый!» Толкнув рукой и ударя один раз палкой, сказал: «Пооди». Ото-шедши несколько думал я: ну, ежели попадусь к такому злодею; нако-нец решился идти туда же, где я сухари носил. Не более я отошел, как шагов

10, вдруг часовой наезжал на меня, и ударил прикладом так, что с ноги моей соскочил туфель, я поднимал его и получал от него вторичные удары, хотя я ему ничего противного не говорил, кроме слов «дайте мне поднять туфель», но он думал, что я ему противлюсь, оборотя ружье хотел заколоть меня штыком, другой подскочив, с великою скорости вынул саблю, и ударил меня по левой руке и по боку так жестоко, что я думал, будто он меня пересек пополам. Снявши с другой ноги туфель, бросил к ним, а сам пошел по трак-ту, ведущему в мой дом, безпрестанно читая молитву: Господи Иисусе! Христе Боже наш! и пр. И с сею молитвою дошел благополучно до самага моего дому не видав ни одного француза, одно лишь эхо во ушах моих было слышно. НАПОЛЕОН: мечталось мне, будто он везде ходил, и мучил народ христианский. Сия мысль происходила от бессонницы; наконец, пришед в свою улицу, смотрел на все стороны, заливаясь слезами, не узнавал, где чей дом был, самые трубы мне казались за людей* или больших гигантов, будто нарочно поставленных для караула. В каком виде мне все сие представлялось, в таком написываю; в страхе человеку может мечтаться все удивительным и чудным. Пришед к своему местопребыванию увидел, что один только пепел тлился над ним: тогда-то я сказал со слезами: «Вот! Мое имение! Вот моя и пи-ща, вот! Все в этом пепле заключается». Легши на него, начал громко плакать, потом встал, и пошел посмотреть, нет ли кого. И увидел вдали человека, идущаго прямо ко мне, кой пришедши [ко мне] проливал со мною вместе слезы; в сие время я был вне себя, и по долгом испытании едва я мог узнать его. Оный человек был господина Нестерова, я звал его в подвал в дом Новосильцова, чтоб несколько успокоиться, [и] пришед туда уснули мы крепко.

Понутру 5-го сентября встал я очень рано, но товарища моего уже не было, потом видел влезавшаго ко мне неприятеля, коего я сам, да и из ответов его узнал, что он был поляк; ударил его так сильно, что он, не могши стоять на ногах, упал. Потом поднявши за ворот, и ударивши его вторично, выбросил из подвала; по учинении сего поступка ясно увидел, что худо зделал, размышляя, как бы спастись, и вышел, в то же время в другой подвале скрывшись в вырытой яме. И здесь меня неприятели увидели и сыпали мелким кирпичем на голову мою, потом два половимчатые кирпича бросили на меня. Сии удары едва мог я вытерпеть, однакож не вставал; они видя меня не встающаго, начали ворочать штыком, потом сами влезли ко мне в яму, ощупывали меня, ударили и ругали, однакож оставили. После их, спустя несколько, вышел вон посмотреть, куда бы мне удалиться, и увидел близь церкви Покрова Мовшина многих наших руских, стремглав пустился к ним, и прибежавши, старался подле них сесть, увидел золу еще не простывшую, сел на нее. Но здесь неприятели нас беспокоили и тревожили, даже ни одной не проходило минуты, чтобы они нас не обирали. Потом по приглашению некоторых пошли мы в дом какого-то князя, где жила мне неизвестная немка, знакомая сим; у ней несколько обогрелась, и вдруг увидели, что и этот дом зажгли, от чего я поспешно вышел один и пошел к своему дому, где постоял как сумасшедший, потом, пришедши в свое положение, обратился к церкви священномученика Власья, пошел поклониться ему. Подошед к церкви, увидел множество прихожан других церквей, диаконов и священников, квартальнаго порутчика с женою и детьми, коего при мне также ограбили и раздевали, оставя в одних портах: в горячности хотел было он бежать и жаловаться их генералу, но злодеи, остервенившись, приставили издали прямо на него ружье, и тем самым его отвратили от бегства, и не лишили жизни. Я с ужасом и трепетом взирал на сие страшное позорище, дрожал от холода и стужи, в сих горестных обстоятельствах предал себя совершенно промыслу Божию; потом увидел идущую ко мне родительницу, коя чрезвычайно обрадовалась мне, равно и я ей. Давала мне, будучи сама томима голодом, засохлые корочки, я брал оные и делил с нею пополам, видя, что и ей себя нужно было подкрепить; посторонние смотря на наше прение, дали нам хлеба небольшой ломтик, кой мы, принявши, благодарили их. После сего я спрашивал, где она оставила мать с дочерью. Она рассказывала мне таким образом: «Когда вы несли сухари на набережную, то воспрепятствовал нам следовать за вами тот самый неприятель, кой врал нам по-русски, и велел нам за собой идти, [и] приведши в дом, запер нас. Чрез несколько минут явился в таком же одеянии неприятель, не тот уже, а другой, старался всячески обольщать сию девицу, но не имел успеха; обратил мысли свои на служанку оставя девицу, взял ее и делал удовлетворение своим прихотям. Потом приходил оный же француз к нам, страшал нас, кричал: «Подпаливай!»*, из чего мы заключали, что нас хотели зжечь. Опять приходил первый, сюда нас приведший, и сего пьянаго выгнал, а нас отвел в Воспитательный дом, и сей делал предложение оной девице, однакож при мне ничего с ней не последовало, оставил нас

* «За людей» – дважды.

* Подчеркнуто в тексте рукописи.

одних в темных покоях, где мы, сидя, думали, что нам делать. Наконец я решилася итти, и искать тебя, и они за мною вслед шли; на тот час по щастию моему часовой их спал, и мы безпрепятственно прошли ворота. Обрадовавшись сему пустилась я бежать, а они останавливали меня для отдохновения. Тогда решительно я им сказала: «Пусть вы здесь отдыхаете, а я пойду искать зятя моего. Оставя их, пошла с рабочей девкой». И тем она окончила свою повесть.

При наступлении ночи квартальной предлагал нам всем, чтоб мы оставили сие место, и шли б с ним в сад Корсакаво, на что многие согласились, и я с родительницею за ними следовал. Пришедши в оной сад, нарвал для себя рябины, и употреблял ее в пищу. Прочие имели здесь кое-что сокрыто и тем самым питались, а у меня ничего не было, кроме упомянутой рябины. Начал сожалеть о том, что ушел от церкви, и опять решился итти к оной, со мной же пошел неизвестный мне му-щина с женою и малым грудным ребенком. На пути встретился с нами злодей, имеющий на голове шапку архимандричью, я от него с поспешностию старался убежать; оставив меня неприятель без внимания, приступил к оной женщине с ребенком бывшей, снял с нее салоп, а с мужа ея рубашку. Спасшись бегством от неприятеля, пришли мы опять к церкви, легли на траве, жжавшись все в кучу, чтоб тем согреть самих себя. При наступлении ночи видели мы одного молодого человека под-ходящего к нам, ищущаго своих родственников, и не нашедшаго в на-шей куче, мы остановя его, спрашивали, что у его в подоле, и узнали из слов его, что говядина. Я первой начал просить его, чтоб он уделил мне немного, [и] получивши от него делил пополам с родительницею, и употребляя в пищу, горестно восклицал сими словами: «О, Боже мой!» При всем моем голоде чувствуя омерзение и запах отвратительный, хучший самая падали, заглушал оной заразительный дух рябиною. Всю сию ночь проводили мы на траве.

6-го сентября поутру пришел к нам бутושник чюхонец и садился подле меня, дал мне для збережения в мешечке горох сухой, и велел мне есть. Сие меня обрадовало, и я почитал его посланным от Бога; здесь видел я соседа моего учеников, приходивших ко мне, и приносивших мне коринки и изюму. Получа от них сие, берег и давал малым детям, а матери их и отцы в замену сего старались мне давать кто корочку хлеба, а кто картофелю. Злодеи же наши не преставали нас беспокоить, сперва взошли в церковь, а потом к нам, обыскивали нас, и ничего не найдя ругали нас; потом другие, третьи и так безпрестанно они нас посещали. По прошествии сего дня, хлеб уже у нас весь изошел, только что и был у одного бутошника горох. Он хотя и не хотел делить нашим товарищам, однакож, по увещанию, дал мне волю быть раздаятелем.

7-го сентября решилися мы жить в церкви. Нас было числом 18 человек и малых и больших; в сем священном месте мы как бы уже готовили себя на жертву сим безчеловечным грабителям, и условились между собою все вместе есть, кто что ни имеет. Приготовляли для себя пищу самую не богатую, и ели с умеренностию; но не долго сие продолжалось, очень скоро прекратилось наше сие дружелюбие, нашло к нам народу такого, которой нашу связь всю разстроил, а имянно пьяницы. Один другому прекословили, друг у друга чинили грабежи, ругались и кричали, и друг друга упрекали, словом сказать... я сколько ни старался уговаривать, но мои слова ни малаго действия и влияния не имели на сердца их, тихими и скромными они учинялись тогда, когда видели неприятелей. В сие священное место стекаясь, злодеи обыскивали нас так как и прежде, искали денег серебра и бумажек. Если же у кого находили ключи, то к тому привязывались и требовали, чтоб показали им сундучки и ящички. После сего тотчас все бывшие у нас ключи мы отобрали и покидали. Видели и еще приходящих, но уже не с таким страхом взирали мы на их как прежде, потому что не к чему уже было привязаться, входили, и, несколько посмотрев, опять уходили.

8-го числа поутру приходили к нам наши рузские и говорили, что выгтти из Москвы никак нельзя, кто и пошел, тот едва ли спасется от смерти; потом услышали мы, якобы наш АВГУСТЕЙШИЙ ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ скончался: сия весть привела нас в великое возмущение безпокойства, и навлекла на нас еще больший страх.

9-го числа поутру начал я читать канон Пресвятей Богородице; читая оной со слезами, увидел вдруг входящих разных наций грабителей, возпрепятствовавших мне более читать и наполнить душу мою сим усердным молением. Смотрел на их мерзкие насмешки, подобныя диавольским искушениям, видел, как они надругались над святынею, просил Бога, чтоб их недопустил скончать дни жизни моя, и чтоб не лишил видеть малых детей моих. Сия мысль не только в этот, но и во все дни была у меня.

10-го числа пошла одна старушка готовить для нас пищу. Нечаянно труба упала на нее [и] едва только успели ее исповедать, она умерла. Совершив над нею службу по долгу христианскому, положили в погреб; французы, видя нас зарывающих ее близь церкви, бежали к

нам с великим стремлением думая, что мы имущество зарываем; прибежав засмеялись громко и пошли от нас проч[ь].

11-го сентября всегда поутру уведомляли нас разные наши розские* новостями, возмущающими только нас, что мы отчаявались вытти когда-нибудь из Москвы. В сей день пришло к нам шесть зверообразных неприятелей, имеющих у себя предлинной нож, стали они приставать к священнику, думая, не спрятал ли он что-нибудь церковного. Но сей священник был сельской и не ученой, не понимал их слов, став у царских врат ожидал себе смерти. Оные враги устраша-ли его и окровенили пред вратами царскими пол, поранив ему руку. От всех сих страхов страдали мы болезнию желудочною, да и нечем было укрепиться нашему желудку. В пищу, обыкновенно, мы употребляли редьку и картофель, да и тот трудно было приобретать. Когда за ним ходили, то попадались французам: одному отнесеш[ь], другой застав-лял. И так опять, приходили уже обезсиленными и голодом томимыми; мой же чюхонец меня не оставлял, он всегда приносил картофель, и спасал меня и родительницу от голода, а я и других снабжал; при всем же том случалось, что мы были дни по три и более без пищи.

12-го сентября приходили к нам некоторые люди иностранные, только не салдаты, кои умели говорить по-русски, и делали выговоры нам, для чего мы не приняли с честью БОНАПАРТА: «Если б вы его встретили со славою и почестями, то не претерпели бы такого разоре-ния». Но я говорил им, что таковому завоевателю, каков Бонапарт, не должно б совсем иметь в мыслях честолубия и думать об этом, чтоб его приняли с какою-нибудь честью простой и бедной народ, ничего у себя не имеющий, кроме только усердия к Богу и своему Государю. Видели мы нашедшую тучу, покрывшую небо пасмурными облаками, был великий гром, мы все пали на колени повергшись пред престолом величества Божия, диакон здешния церкви встал у престола Божия с разпростертыми руками. Словом: все мы молились и кажется тогда просили об одном том, чтоб Всевышний показал чудо над нашими врагами и разсыпал бы сих жестокосердых врагов. По прошествии сея грозная туча приходили неприятели, из коих один, взойдя во олтарь, увидел написанную плащаницу, начал лобызать ноги тела Христова, от всего своего сердца припадал к сему образу и делал поклонение. При наступлении ночи, мы видели на небе два знамения, подобныя ракетам, стоящим очень долгое время без всякаго изменения, и также тонкий и светлый как пускают ракеты. Сему явлению я не могу надивиться, пожар ли был сего причиною или другое какое-нибудь предзнаменова-ние? Оставляя сие писать, обращаюсь паки к собственной своей истории.

13-го числа пришли наши российские купцы, священники и разные чиновники. Все они были изранены – у кого голова проломлена, у кого рука, кто одет рагожкой. Словом: на всех ничего не было, если тело их покрыто было чем, то имянно ободранными рубищами. Пришел сюда и тот самый, кой носил со мной сухари и ведра. Увидевши его я заплакал, и он также, потом я спрашивал, где он был в продолжение сего времени, и я узнал из ответов его, что он был в работе у французов; надеялся, говорил он мне, что в доме господина моего сокрытая мука будет цела, но к нещастию все разграблено так, что я ничего не нашел. Потом пришел другой мой сосед столяр. Увидев меня в одном кавтане и говорил, что: «У меня есть тулуп калмыцкаго меха, возьмите его, хотя от него и есть смердящий запах», – чему я чрезвычайно обрадовался. Какое мое удивление! Видел, что оный тулуп был мой, спрашивал, как он к нему попал, он отвечал, что подняли его ученики на улице. Надевая его на себя, чувствовал запах весьма тяжелой, от коего чуть меня не вырвало, и самые французы, слыша сей запах, не отняли у меня сего тулупа.

14-го числа обирали от нас неприятели свечи как сальные, так и церковныя, и с оными иногда приходили в церковь в ночное время, стращали и били нас.

15-го числа пришли к нам ночью двое утомленные силами, и хотели у некоторых отнимать одежду для постилки под себя, но видя на нас худыя рубища, брали ризы ободранные и ложились на них, также клали иконы на пол; содранными же с престолов и жертвенников одеяниями облекали себя и препровождали сию ночь с нами. По утру, очень рано, один француз вставши, увидел еще товарища своего крепко спящаго, и унес у него сумку. Через несколько времени вставшему сему неприятелю сказывали мы, что его товарищ давно уже ушел, и взял его сумку и ружье, от чего он начал плакать, и, видно по всему, что он сожалел о сей потере.

16-го сентября начали мы с собою размышлять, как бы удалиться из Москвы, ибо опасались, чтоб не заразиться от наполненного худыми испарениями мертвых тел воздуха, но как мы ни думали, но не находили случая вытти из Москвы. Посылал я родительницу справиться в

* Так в рукописи.

университете, не остался ли кто из наших родственников в оном; также еще посылал к Петру и Павлу в Басманную в дом нашего же родственника купца Нечаева, в коем она нашла родную свою сестру и племянницу с четверыми, живущую в подвале онаго дома, и уведомляла меня об оных.

17-го числа, приходя, наши российские уверяли нас, что можно вытти из Москвы в ночное время; днем же итти чрез Лазарево кладбище под предлогом будто за картофелем. Разпросивши подробно о сем, я решился как можно вытти из Москвы.

18[-го] опять приходил к нам Спаса Песков дьячек, и удостоверивал нас, что он трижды из Москвы выходил, и опять в оную столькож раз возвращался, чем нас всех вывел из сомнения, и подал некоторый луч надежды душе нашей к освобождению из плена. По прозьбам и убеждениям нашим взялся он нас выпроводить из Москвы с тем только условием, чтоб не было с нами женщин, так как немогущих сносить труды великие, и чрез коих бы мы не учинились жертвою врагов наших. Услыша сие, родительница моя решилась остаться в том намерении, чтоб вслед за нами итти.

19[-го] я и надворный советник Шарапов, еще из Чудова монас-тыря молодой детина, приуготовлялись к выходу из Москвы, и лишь только начали употреблять [при]изготовимую нами пищу, вдруг уви-дел я идущую сестру моя родительницы, увидел, и заливаясь слезами говорил ей, что я сегодняшней день намерен вытти из Москвы. И так простившись в растроеном положении с моими родными, пошел в настоящую церковь, падал пред Спасителем, Божию Матерью и пред иконою свящennemученика Власья. Подходя к улице Арбацкой, увидели мы множество французов, ехавших с фурами, и со страха укрывались за трубами дав им проехать. Наконец, пришедши в приход Спаса Песков, нашли мы своего путеводителя в подвале згоревшаго одного большого дома. Пошли в путь пожарищами, стараясь смотреть во все стороны и укрываться от злодеев наших, однакож мы как ни старались укрываться от них, но повсюду встречали их, и от взора их приходили в великий страх. Далее продолжая путь свой вышли мы на бульвар, наполненный мертвыми лошадьми. После сего опять попадались нам навстречу подле Страстного монастыря французы едущие с фурами, коих лошади едва тащили бремена сии; при сей встрече крайне мы опасались, чтоб не заставили нас вместо оных лошадей тащить фуры, бежали как наивозможно скорее к канаве, и видели, что там наши российские строили на своих згоревших местах для жилища своего шалаша. Продолжая путь наш неудобными местами, наконец пришли в поле, где была насеяна репа, делали вид, что мы ее собираем; между тем мало по малу приближались к Лазареву кладбищу. Пришедши сюда в страхе и трепете обходили оную церковь, и лиш[ь] только хотели перейти чрез вал здесь имевшийся, вдруг услышали голос часоваго француза, и от онаго в такой ужас и робость пришли, что едва не пали на землю, чувствуя во всех наших членах сильное потрясение, едва могли прибежать в лес за сими нашими провожатыми; такая даже случались места, что принуждены были иногда полсти шагов 50 и более. Версты четыре отбежав, увидели вдали везущих наших неприятелей снопы, сели у пней, чтобы неприятелям не попасться в руки. После сего, хотя мы и достигли большого леса, однакож часто случалось, что принуждены были идти краем онаго леса, где видели не более от нас расстоянием полуверсты огни и неприятельское войско, и всячески старались укрываться, заходя в чащину леса. Когда же ночь покрылась совершенным мраком, тогда безопаснее мы шли, хотя еще и не без страха. Прошедши 7 верст расстоянием от Москвы, сопровод-ники поздравили нас, что на пути уже почти никаких нет опасностей, но мы еще все опасались. Пришли к речке, чрез которую надобно нам перейти, и нашли такое место, где лежали чрез реку перекладыны; чрез, по ним, проходили сперва наши провожатые, потом я при вспомоществовании данной мне от них палки, за мною и надворный советник, кой при всей моей помощи упал в реку потому, что у его владела одна рука. Втащивши его на крутой берег, устремлялись далее в путь. Между тем сопроводники говорили нам, чтоб мы как можно скорее шли, и ни говорили ни слова. Совратившись с пути вели они нас болотами и кочками, где не редко случалось стремглав падать; наконец с великим трудом вышли на большую дорогу, и провожатые уже здесь совершен-но нас поздравили безопасностью, и намеревались утомленному духу своему дать покой. Они здесь рассказывали нам, что в сем месте наши казаки отбили обоз и многих побили, слышав я от них сие, уговаривал, чтоб они поскорей от онаго места удалились, ибо мне еще все казалось, что мы не ушли от наших варваров. По совету моему пошли они далее. Отошедши 20 верст так я изнемог в силах своих, что едва уже мог итти; назначенное же нами место для долгаго отдохновения еще было расстоянием в 5-ти верстах. В сем случае я их упрашивал нередко отдыхать, и сии пять верст мы шли нога за ногу, пришли чрез великую силу в деревню, где дьячек не намеревался еще остаться, но полагал свое намерение датти до села Медведкова, в коем он всегда имел свое

местопребывание. Но я и Шарапов, и еще третий мужчина остались в сей деревне, и едва могли себе найти для успокоения нашего квартиру в 5-ом доме. Взшедши в дом хозяина, увидели здесь наших салдат раненых ушедших же из плена; сии добрые хозяева, видя нас изнемогших от голода, натирали редьки, давали хлеба, потом молока, и сею пищею укрепясь мы успокоились. На другой день поутру опять нас снабжали они хлебом, и мы, укре[пи]вши себя оным, пошли в село Пушкино. Но как из нас никто не знал дороги, то и нередко мы сшибались с пути своего. Дошедши до Кудрина, думал я найти жену мою и детей; пришедши к воротам увидел я лающих на меня собак, от которых я ушел к аранжереям. Стреться со мною, один человек побежал от меня думая, что я француз, я начал просить его, чтоб он меня оборонил от собак, [и] услыша меня, говорящего по-русски, остановился. Потом я спрашивал его о моем родственнике, о жене и малолетних детях, и он мне отвечал, что жены моей нет. Сие слово поразило меня точно громовый удар, далее продолжал он речь, что была здесь какая-то женщина с малолетними детьми, и уехала, не знаю куда. Потом я его просил, чтоб он проводил меня к моему родственнику. Нашедшему мне местопребывание его сказывали мне хозяева, что он пошел в баню; и так опять я просил сего человека, чтоб проводил он меня до того места. Увидевши меня родственник едва идущаго, заплакал. По долгом моем с ним разговоре, товарищи ко мне пришли, и говорили мне, что время отправиться из сего места. Но я уже далее не пошел, простившись с ними остался здесь с моим родственником, пришел на его квартиру и легши отдохнуть так крепко спал, что проснулся на другой уже день. В половине дня пошли мы в село Пушкино, и купя там баранины, возвратились опять в Кудрино. На другой дань звал он меня в деревню Новую расстоянием в 4-х верстах; в сем хотя я и отказывался, чувствуя расслабление в ногах, однакож пошел, и пришел с ним в самой тот дом, где моя была жена с малолетними детьми. Разспрашивал я здешних жителей о своей жене, и они мне с великою жалостию говорили, что: «Ваша жена от страха, какой был в то время, едва ли не растеряла детей своих». От сих слов почувствовал я в себе великий удар и некоторую перемену, однакож скоро опять пришел в прежнее спокойствие, скидывал свои кеньги ве-сом в 10 фунтов, отдал сим хозяевам и просил у их на обмен лаптей, и после сего лег спать. Проснувшись поутру рано, пошли мы с родственником в путь, и как слабость моего здоровья не позволяла идти мне с великою скоростью, то и нередко сетовал на меня мой родственник. Пришли мы в Троицкую Лавру накануне празднования Чудотворца Сергия; отдохнувши здесь несколько, пошли опять в путь, и отойдя 10 верст начевали. На другой день едва мог я продолжать путь от чрезмернаго изнурения, однакож вознамерился идти до самага Переяславля. В сем городе попались нам попутчики, едущие за хлебом в Ростов, которые взяли с нас по рублю довести до Ростова; от сего я в себе чувствовал легость и получил слабым моим силам некоторую бодрость, сходил в монастырь поклониться мощам Святителя Димитрия. Пробывши здесь несколько времени, опять пошли в путь, и отойдя 20 верст начевали; на начлеге здесь начевали с нами вместе и рекруты, из коих я приметил одного с неумеренностью пьющаго вино. Напившись он кричал, бродил повсюду, из уст его извергались сквернословия даже и на нас, [а] поутру вставши рано безпрестанно он требовал от отдатчика вина, и вдруг выпил за один раз три стакана. Видя его такую алчность и пристрастие к вину говорил я отдатчику, чтобы он как можно его старался зберечь и удалять от излишняго употребления вина, в противном случае обопьется, если ему будет дана воля, что в самом деле и случилось. Услышали мы на дороге о смерти сего молодаго человека, и крайне сожалели о нем. В 25 верстах от Ераславля наняли мы попутчика [и] доехав благополучно до сего города, были мы в кресном ходе, где видели покойнаго ПРИНЦА И ВЕЛИКУЮ КНЯГИНЮ ЕКАТЕРИНУ ПАВЛОВНУ.

После сей церковной церемонии сошли мы на берег реки Волги, где увидели многих, сающихся в лодку, едущих инных в Нижний город, других в Кострому; сему случаю крайне я радовался и говорил хозяину лодки, чтобы он нас посадил до Костромы. По привету его мы тотчас решились сести в его лодку и ехали всю ночь; стужа и страх, от волн произходящий, крайне нас беспокоили. Правители были самые неискусные, они не знали ни мелей, ни способа управлять хорошо лодкою, часто наежали на пески, стояли на одном месте иногда часа по два и более, беспокоились, изнуряли свои силы сворачива[я]* лодку в глубину воды. Не думал я, находившись в страхе с товарищами своими, доехать до Костромы, но при помощи Божией приехали мы в оный город и крайне радовались, благодаря Бога, за спасение нашея жизни. Потом, взшедши в гору, выпили несколько збитню для отогрения себя, и хотя искали в сем городе общаго нашего благодетеля, сказывая его имя и фамилию, но не могли узнать от встречавшагося с нами народа,

* Возможно: сворачивали.

где его находится местопребывание. Часто останавливаемы были здешними жителями, и запрашиваемы были от них о роде нашем и состоянии, и известности, и мы отвечая им краткими словами бегали из улицы в улицу, и стара-лись сыскать того, кто нам нужен был. Наконец, попался нам такой человек, который знал дом нашего благодетеля и привел нас в оной. Боже мой, какое зрелище! Увидел я жену мою, коя смотря на меня изнурен-наго от снедаемой печали, совершенно переменившагося, спрашивала меня о своей родительнице, о доме и имении; я ж, на вопросы ея никакого не дая ответа, спрашивал, живы ли малолетняя мои дети. И вдруг она побежала в комнаты, и не допуская меня, по причине скорости своей, взойти в оные, вынесла мне моего сына. О! Да умолкнет здесь язык мой! Не в состоянии я теперь описать ту радость^{*}, кою я чувствовал от чрезвычайной радости увидя моего малолетнего сына, держа на руках его в безпамятстве забыл уже и о других моих. Слышал голос, поражающий меня жалостною речью неоднократно: «Тятя!» От сих повторяемых им слов, весь я потрясаясь и заливаясь необычайно слезами, ласкал его, проливая слезы от радости; между тем мать принесла мне маленькою^{**} дочь мою, и та уже меня утешила своею нежною улыбкою. Боже Всемогущий! Твоя всемогущая десница сохранила меня, жену и детей моих от угрожавшей нам гибели, надеюс[ь], Владыко мой, что не допустиш[ь] нас скитаться и терпеть нужду, Ты сердцевец, Ты даш[ь] нам от рук благотворителей пищу и продовольствие. Вот, читатель мой, какую я был тогда наполнен мыслию! Чрез два дни желания мои и мысли во благих исполнились, нашел я благотворителя, кой, меня не выдавши, прислал мне 25 рублей. Вот какое Господь попечение прилагает о несчастных лишенных всего и насущнаго хлеба, нет ни одного несчастнаго пленника, котораго бы Он пограл торжествующею Своею ногою, от самых опасностей, влекущих за собою смерть, силен Он изъять, [и] примером сего я могу представить себя. Сколько со мною встречалось опасностей! Сколько видел я от неприятелей страхов и ужасов, но Господь не попустил мне погибнуть вечно! Прославляю теперь Господа моего, повергаюсь пред Ним, возсылая теплые молитвы. Любезные читатели! Прославьте вкупе и вы со мною Бога живущаго на небесех.

Любезные сооттечи. Не шадите интереса своего, естли видите к тому удобной случай помочь ближнему, чрез что сами избегните бедности и никогда не будете упрекать совесть свою, которая нас часто толкает при встрече с несчастным. Прошу вас, на отлагайте делать добро до утра и, если можно, тотчас помогайте. Тогда узрите лицом к лицу Бога и Истину^{*}.

Примечания

¹ Белокуров С. А. Московский архив Министерства иностранных дел в 1812 году. М., 1913, с. 24-25.

² Малиновский А. Ф. Обозрение Москвы./ Сост. и автор очерка «Алексей Федорович Малиновский» С. Р. Долгова. М., 1992, с. 198.

³ Там же, с. 17.

⁴ Там же, с. 19.

⁵ Там же, с. 47.

⁶ Там же, с. 84.

⁷ План г. Москвы, изд. А. Ильиным. РГАДА, ф. 197, оп. 1. Москва, 48/1.

⁸ РГАДА. Библиотека, отдел редких изданий 119, л. 108 об.

* Написано над зачеркнутым – «страсть».

** «Маленькою» написано над строкой.

* Последний абзац написан другим почерком и другими чернилами.